

Инна Проскурjak

Зола и ЗОЛОТО

Дела Метростроева

18+

Инна Проскуряк

Зола и золото

«Автор»

2026

Проскуряк И.

Зола и золото / И. Проскуряк — «Автор», 2026

В заброшенной пекарне на окраине Омска находят обгоревшие останки. Среди пепла — золотой зубной мост и старинная брошь, которая должна была лежать в могиле. Майор Иван Метростроев начинает расследование и выходит на «Тихую пристань» — благотворительный хоспис, которым руководит обаятельный и уважаемый врач Аркадий Теплов. Чем глубже копает Иван, тем яснее понимает: за фасадом милосердия скрывается машина смерти. Одинокие пациенты умирают. Их квартиры уходят с молотка. Деньги — в офшоры. След ведёт из Омска в Москву, от бывших омонцовцев к федеральным чиновникам. Чтобы добраться до верхушки, Ивану придётся поставить на кон всё. Включая тех, кого он любит.

© Проскуряк И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Инна Проскуряк

Зола и золото

Пролог

Огонь не торопился.

Печь в заброшенной пекарне на окраине Омска не топили лет пятнадцать. Кирпичная кладка пошла трещинами, заслонка проржавела насквозь. Место было глухое — промзона, вымершая ещё в нулевые, когда закрылся последний цех. Сюда не заезжали ни патрули, ни случайные собачники. Только ветер с Иртыша гнал по бетонным плитам сухую пыль.

Он выбрал ночь со вторника на среду. Самую тихую. Самую безлунную.

Фургон с выключенными фарами встал у задней стены пекарни в 2:14. Камера на столбе через дорогу не работала — заклеена чёрной изоляцией ещё за двое суток до этого. Движения точные, выверенные. Ни одного лишнего жеста.

Тело перетащил в цех за четыре минуты. Мешок из плотного полиэтилена, строительный, армированный. Внутри — сто двадцать килограммов мёртвого веса, но он не надорвался. Дышал ровно. Пульс не частил.

Дрова он привёз с собой. Сухие берёзовые поленья, колотые, уложенные аккуратными рядами. Поверх — три канистры солярки. Не бензина — бензин выгорает слишком быстро, даёт копоть, но не тот жар. А ему нужен был жар. Долгий, ровный, промышленный.

Печь приняла тело как старый голодный зверь.

Он закрыл заслонку не до конца — оставил щель для тяги. Огонь загудел низко, басовито, словно где-то под землёй проснулся механизм. В цехе запахло палёной известью и сладковатым дымом. Через сорок минут температура внутри печи достигла девятисот градусов.

Он ждал.

Сидел на перевёрнутом ящике в десяти метрах от печи, сложив руки на коленях. Высокий, сухощавый, в тёмной спецовке, с хирургической маской на лице. На руках — плотные перчатки, хотя надобности в них уже не было. Привычка. Двадцать лет в операционной не вытравишь за один вечер.

В 5:47 он поднялся. Заглянул в щель заслонки. То, что осталось, его удовлетворило.

Золу и фрагменты костей он ссыпал в два металлических контейнера. Остудил. Вывез на пустырь за пекарней, рассыпал тонким слоем, перемешал с песком и строительным мусором. К утру ветер сделает остальное.

Одного он не учёл.

Зубы не горят.

Спустя семь недель двое мальчишек с соседнего района залезли в заброшенную пекарню в поисках цветного металла. Нашли пепел. Нашли костяные фрагменты. Нашли спаянный в единый комок кусок золота — зубной мост на четыре единицы, с характерной насечкой по краю. Такую работу делают только в двух клиниках города.

А ещё нашли брошь.

Старинную, дореволюционной работы — золото, эмаль, крошечный рубин в центре цветка. Она лежала под слоем пепла, у самой стенки печи, почти нетронутая огнём. Словно кто-то положил её туда намеренно. Или обронил случайно. Или хотел, чтобы нашли.

Брошь была оплавлена только с одного края. Игла застёжки погнута. Но цветок уцелел.

Следователь, прибывший на место, долго вертел её в руках, пытаясь понять, как ювелирное украшение конца XIX века оказалось в пепле заброшенной омской пекарни.

Ответа у него не было.

Дело передали в отдел нераскрытых преступлений через двое суток.

Папка легла на стол майора Ивана Метростроева в пятницу, ровно в 9:15 утра.

Иван открыл её, пробежал глазами опись вещдоков, задержался на фотографии броши.

И выругался сквозь зубы.

Он знал эту вещь. Знал человека, которому она принадлежала. И знал, что этот человек умер несколько лет назад.

Глава 1

Заключение экспертизы принесли в понедельник.

Я сидел за столом и вертел в пальцах зубочистку. Папка лежала передо мной нераскрытая уже минут десять. Спешить было некуда. За окном гудело утро — дворники счищали снег с трансформаторной будки, где-то на Маркса сигналила пробка. В кабинете пахло пылью и остывшим чаем.

Я открыл папку.

Зубной мост опознали. Четырёхканальная конструкция, золото 750-й пробы. Изготовлена три года назад в частной клинике «Дент-Арт» на Магистральной. Пациент — Шепель Олег Романович, 1968 года рождения, бывший инженер-геодезист. Последние семь лет нигде не работал. Пропал без вести в августе 2023-го. Заявление подавала сестра из Новосибирска. Дело приостановили через полгода за отсутствием состава. Тела не было. Следов не было. Мотива не было.

Теперь тело появилось. Точнее, то, что от него осталось после девятистот градусов и трёх часов в кирпичной печи.

Я перелистнул страницу. Акт осмотра костных фрагментов. Множественные термические повреждения. ДНК не выделить. Идентификация — по зубному мосту и фрагменту нижней челюсти с характерным сколом коронки. Совпадение подтверждено стоматологической картой.

Шепель. Олег Романович.

Я отодвинул папку и потянулся к клавиатуре. «Аура» молчала — значок в углу экрана горел ровным синим. Ждала запроса.

— Данные на Шепеля Олега Романовича, — набрал я. — Криминальные связи, финансовые транзакции, биллинг за последние полгода перед исчезновением.

Ответ пришёл через четыре секунды. Сухие строки легли одна под другой.

Шепель О. Р. Не судим. К административной ответственности не привлекался. Последнее место работы — геодезическая партия № 4, уволен по сокращению в 2016-м. С 2017 по 2023 год — неофициальные заработки: частные замеры участков, межевание, консультации. Доход нерегулярный. Кредитов нет. Счета в трёх банках, суммарный остаток на момент исчезновения — 47 000 рублей.

Биллинг за последний месяц перед исчезновением: входящие — четыре номера. Два новосибирских, один местный, один московский. Исходящие — преимущественно сестре и в справочную службу.

— Московский номер, — напечатал я. — Кому принадлежит?

— На момент запроса номер не обслуживается. Зарегистрирован на ООО «Медицинские системы», ликвидированное в 2022 году.

Я потёр переносицу. Ликвидированное ООО, московский номер, инженер-геодезист без работы. Пока ничего не складывалось.

— Дальше, — напечатал я. — Брошь.

Я достал из папки фотографию. Крупный план, масштабная линейка. Золотой цветок с рубином в центре. Эмаль лепестков частично оплавлена. Игла застёжки погнута, но узор читается чётко. Дореволюционная работа. Такие вещи не валяются в пепле заброшенных пекарен случайно.

— Похожие изображения, антикварные аукционы, зарегистрированные коллекции, — напечатал я.

«Аура» молчала дольше обычного. Секунд десять. Потом выплюнула строку, от которой у меня похолодели пальцы.

— Совпадение с лотом № 47 аукциона «Сибирская старина», 2014 год. Продан в частную коллекцию Гольдберга Марка Ефимовича. Коллекция внесена в реестр Минкультуры. После смерти владельца в 2019 году захоронена вместе с ним на Западном кладбище согласно завещанию.

Я перечитал трижды.

Захоронена. Вместе с телом. В гробу. На глубине двух метров. Семь лет назад.

Я закрыл папку. Встал. Подошёл к окну. За трансформаторной будкой дворники закончили чистить снег и теперь курили, опершись на лопаты. Обычное утро. Обычный понедельник.

В дверь постучали.

— Открыто.

Вошёл Серёжа Гордеев. В гражданском — тёмная куртка, свитер под горло. С ноутбуком под мышкой. Вид собранный, взгляд цепкий. Уже не стажёр. Начальник отдела по борьбе с киберпреступностью. Но ко мне заходит без звонка.

— Привет. Ты просил пробить камеры по пекарне.

— Просил.

Он сел на стул, открыл ноутбук.

— Так вот. Ничего. Вообще. За две недели до находки и неделю после — ни одной машины в радиусе трёх кварталов. Кроме мусоровоза и двух фур хлебозавода. Те — с навигацией, маршруты чистые.

— Пешком?

— Пешком туда не ходят, Вань. Промзона мёртвая. Чтобы дойти до пекарни от ближайшей остановки, надо сорок минут по пустырю пилить. Зимой. С телом в мешке.

Я кивнул.

— Вывод?

Серёжа развернул ноутбук ко мне.

— Вывод — камеры там не работали. Вообще. На столбе у поворота — муляж. На проходной закрытого цеха — разбита за месяц до этого. На выезде с промзоны — висит, но архив за те числа затёрт. Случайно.

— Три камеры из трёх. Случайно.

— Именно.

Я вернулся за стол.

— Брошь видел?

— Нет.

Я протянул ему фотографию. Серёжа взял. Посмотрел. Присвистнул.

— Красивая. Старая?

— Дореволюционная. Похоронена вместе с владельцем на Западном кладбище семь лет назад.

Серёжа поднял глаза от снимка. Долго смотрел на меня. Потом на папку.

— То есть она лежала в гробу. А теперь лежит в пепле.

— Именно.

— И ты хочешь проверить могилу.

— Именно.

Он закрыл ноутбук.

— Дай угадаю. Сейчас поедem на кладбище?

Я поднялся. Снял с вешалки старую кожаную куртку.

— Сейчас поедem к Корнееву. Выбивать разрешение на эксгумацию. А потом — на кладбище.

Серёжа вздохнул и потянулся за курткой.

— Кофе хоть купим по дороге?

— Купим.

«Аура» мигнула синим. Новая строка легла на экран.

— Капитан. По времени захоронения Гольдберга М. Е. (07.11.2019) в регистрационной книге Западного кладбища зафиксирована отметка о присутствии постороннего лица. Имя не указано. Причина присутствия: «волеизъявление покойного».

Я замер у двери.

— Какое ещё постороннее лицо на собственных похоронах?

— Не установлено. Запись внесена со слов смотрителя кладбища. Смотритель уволен в 2020 году. Местонахождение неизвестно.

Серёжа присвистнул второй раз за утро.

— Это становится интересным.

Я ничего не ответил. Вышел в коридор.

За дверью гулко хлопнула входная дверь отдела. Где-то на первом этаже зазвонил телефон. Обычное утро.

Слишком обычное.

Глава 2

Корнеев разрешение подписал без лишних вопросов.

Я зашёл к нему в кабинет, положил папку на стол и изложил факты: зубной мост, брошь, могила, запись в кладбищенской книге. Подполковник выслушал молча. Пожевал губами. Потом взял ручку и поставил подпись на ходатайстве. Только спросил:

— Ты уверен, что хочешь это вскрывать?

— Нет. Но по-другому не проверишь.

— Ну смотри. Если там пусто — шуму будет много.

Я кивнул и вышел.

В машине Серёжа уже пил кофе. Мне взял чёрный, без сахара. Передал стаканчик молча. Я сделал глоток — горячий, обжигает. Хорошо.

Ехали на Западное кладбище через Левый берег. Мартовское солнце било в лобовое стекло, снег вдоль дороги осел и почернел. В салоне пахло кофе и сырой кожей куртки. Серёжа листал что-то в телефоне.

— Пробил я этого Гольдберга, — сказал он. — Марк Ефимович. Антиквар, коллекционер, оценщик. Работал с музеями, аукционами, частниками. Умер в восемьдесят четыре года. Диагноз — остановка сердца.

— Криминал?

— Никакого. Чист, как слеза младенца. Налоги платил, судимостей нет, жалоб нет.

— Наследники?

— Сын в Израиле, дочь в Питере. В Омск не приезжали после похорон.

Я допил кофе и смял стаканчик.

— А что за постороннее лицо на похоронах?

— Вот тут глухо. Смотритель уволен, новый не в курсе. Книгу я запросил, но там только строчка: по волеизъявлению покойного. Без фамилии.

— И без объяснений.

— Именно.

Кладбище встретило тишиной. Ворота открыты, аллеи расчищены, но посетителей никого. Март — не сезон для могил. Администратор, пожилой мужчина в вязаном жилете, долго читал разрешение, шевеля губами. Потом кивнул и повёл нас к дальнему сектору.

Могила Гольдберга оказалась ухоженной. Гранитный памятник, оградка, лавочка. На плите — имя, даты, эпитафия: «Истина в красоте». Я хмыкнул про себя. Красиво жил, красиво умер.

Рабочих вызвали через час. Двое крепких мужиков в спецовках. Молча сняли памятник, отодвинули плиту. Лопаты вошли в мёрзлую землю с хрустом.

Я стоял в стороне и смотрел. Серёжа курил у оградки. Холодный ветер гнал по аллее прошлогоднюю листву.

Вскрыли через сорок минут.

Гроб сохранился хорошо — дерево потемнело, но не прогнило. Крышку подняли осторожно, с четырёх сторон.

Внутри лежал покойник.

Марк Ефимович Гольдберг выглядел так, как и положено выглядеть телу, пролежавшему в земле семь лет. Чёрный костюм, белая рубашка, кипа на голове. Руки сложены на груди.

На левом лацкане пиджака не было броши.

Вместо неё — на том месте, где она должна была крепиться, — лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Пожелтевший, но целый.

Я надел перчатку. Достал лист. Развернул.

Текст от руки. Чёрная тушь. Почерк ровный, с наклоном влево. Всего одна строка:

«Она вернётся, когда пепел заговорит».

Серёжа заглянул через плечо. Присвистнул.

— Это что, блин, за пророчество?

Я промолчал. Сфотографировал лист на телефон. Положил в пакет для вещдоков. Потом наклонился к гробу и осмотрел лацкан пиджака. Следов броши не было. Ни прокола, ни потёртости. Либо её сняли до похорон, либо не клали вообще.

Либо Гольдберга похоронили без неё, а семь лет кто-то хранил тайну.

— Вань, — Серёжа тронул меня за плечо. — Гроб заколачивают?

— Да. Всё, что нужно, я взял.

Рабочие опустили крышку. Я отошёл к оградке и набрал «Ауру».

— Запрос. Список присутствовавших на похоронах Гольдберга М. Е. 7 ноября 2019 года.

Ответ пришёл почти мгновенно.

— Родственники: Гольдберг И. М. (сын), Гольдберг-Сорина Е. М. (дочь). Представители аукциона «Сибирская старина»: Кравченко А. П. Нотариус: Зуева Т. С. Дополнительно зафиксированы: Ассистент нотариуса — фамилия не указана. Представитель благотворительного фонда «Тихая пристань» — Теплов А. В.

Я замер.

— Теплов Аркадий Вениаминович, — уточнил я.

— Подтверждаю.

Я убрал телефон. Посмотрел на Серёжу.

— Теплов.

— Это который хоспис держит? Благотворительность, паллиативная помощь?

— Он самый.

— А он-то там каким боком?

Я не ответил. Потому что ответа у меня пока не было. Но что-то подсказывало: не случайным.

— Поехали.

— Куда?

— Сначала в отдел. Потом — в Тихую пристань.

Серёжа докурил и выбросил бычок в урну.

— Слушай, Вань. А что за строчка? «Когда пепел заговорит». Это что вообще значит?

Я сел в машину и захлопнул дверь.

— Это значит, что кто-то ждал, пока тело Шепеля сожгут в пекарне. И брошь появится на свет.

— Зачем?

— Вот это я и хочу спросить у Теплова.

Двигатель завёлся. Кладбище поплыло назад. В зеркале заднего вида рабочие ровняли землю над могилой.

Глава 3

Хоспис Тихая пристань располагался в бывшем купеческом особняке на улице Волочаевской. Двухэтажное здание из красного кирпича, высокие окна с белыми наличниками, кованный козырек над входом. Вокруг — старый сад, сейчас голый, но ухоженный: ровные дорожки, подстриженные кусты, скамейки под чехлами. Ничего общего с казёнными коробками, в которых обычно доживают свой век безнадежные больные.

Я припарковался у ворот. Серёжа остался в машине — сказал, что пробьёт по своим каналам финансовые потоки фонда. Я не возражал. С такими, как Теплов, лучше разговаривать один на один. Меньше давления — больше откровенности.

Внутри пахло не больницей. Деревянный пол, натёртый мастикой. Светлые стены. На подоконниках — живые цветы в горшках. Где-то в глубине здания играла тихая музыка — кажется, Шопен. Я прошёл через холл к стойке администратора. Девушка в белом халате подняла глаза от монитора.

— Мне нужен Аркадий Вениаминович Теплов.

— Вы записаны?

— Майор Метростроев. Уголовный розыск.

Она моргнула. Рука потянулась к телефону. Через минуту я уже поднимался по лестнице на второй этаж.

Кабинет Теплова оказался угловым, с окнами в сад. Обстановка спартанская: стол, два стула, стеллаж с папками. На стене — дипломы в рамках, фотографии коллектива, благодарственные письма от родственников пациентов. Никакой роскоши. Никакой показухи.

Хозяин кабинета поднялся мне навстречу.

Аркадий Вениаминович Теплов. Шестьдесят два года. Бывший хирург областной больницы. Последние семь лет — директор и главный попечитель «Тихой пристани». Высокий, сухощавый. Седые волосы зачёсаны назад. Очки в тонкой металлической оправе. Рукопожатие крепкое, сухое, уверенное.

— Добрый день. Чем обязан?

Голос ровный, глубокий. Таким голосом хорошо успокаивать пациентов. Или читать лекции. Или говорить то, что ты хочешь, чтобы услышал собеседник.

Я сел без приглашения. Достал из папки фотографию броши, положил на стол.

— Вам знаком этот предмет?

Теплов взял снимок. Посмотрел. Вернул на стол.

— Да. Это брошь Марка Ефимовича Гольдберга.

— Откуда вы её знаете?

— Он завещал её фонду.

Пауза. За окном ветер качнул ветку яблони. Я ждал.

— Марк Ефимович был нашим попечителем, — продолжил Теплов, сняв очки и протерев стёкла платком. — Последние два года жизни он тяжело болел. Мы помогали с уходом. Он не хотел ложиться в больницу — говорил, что там умирают, а он хотел жить. Мы организовали паллиативную помощь на дому. Он был благодарен.

— Настолько благодарен, что завещал брошь?

— Настолько.

— Но броши в гробу не было.

Теплов надел очки. Посмотрел на меня внимательно. Без страха. Без раздражения. С интересом.

— Вы вскрывали могилу?

— Час назад. Вместо броши — записка. «Она вернётся, когда пепел заговорит». Вам это о чём-нибудь говорит?

Он помолчал. Потом покачал головой.

— Нет. Никогда не слышал.

— Почему вы присутствовали на похоронах?

— Марк Ефимович попросил. Сказал, что хочет видеть рядом людей, которым доверяет. Родственники? — он сделал паузу. — Родственники приехали на похороны и уехали сразу после. Я был тем, кто действительно знал его последние годы.

— И вы не знали, что брошь положили в гроб?

— Знал. Её должны были прикрепить к лацкану. Я сам видел, как это делали.

— Кто делал?

— Кто-то из сотрудников похоронного бюро. Кажется, женщина-гримёр.

— Значит, брошь была. А теперь её нет.

Теплов развёл руками.

— Этого я объяснить не могу.

Я достал вторую фотографию. Пепел в печи. Золотой зубной мост.

— Вам знаком этот человек? Шепель Олег Романович.

Теплов взял снимок. Всмотрелся. Вернул.

— Нет. Никогда о нём не слышал.

— Вы уволились из областной больницы в конце июля 2023 года. Шепель пропал без вести в начале августа того же года.

Теплов снял очки снова. На этот раз медленнее.

— Майор, я уволился из больницы за месяц до исчезновения этого человека. По собственному желанию. После двадцати лет хирургической практики. Устал. Решил заняться хосписом. Если вы ищете связь, её нет.

Я закрыл папку.

— Аркадий Вениаминович, я не ищу связь. Я её проверяю. Пока.

Я поднялся. Теплов остался сидеть. Смотрел на меня снизу вверх. Спокойный. Доброжелательный. Тёплый.

— Если будут ещё вопросы, я всегда здесь, — сказал он. — Мы помогаем людям. Это открытая организация.

— Я заметил.

Я вышел в коридор. Дверь закрылась мягко, без стука. В холле на первом этаже девушка-администратор поливала цветы. Шопен всё ещё играл.

В машине Серёжа оторвался от ноутбука.

— Ну что?

— Врёт.

— В чём?

— Не знаю пока. Но врёт. Слишком спокоен.

Я завёл двигатель. Серёжа захлопнул крышку ноутбука.

— У меня кое-что есть. По фонду. «Тихая пристань» зарегистрирована в марте 2017 года. Учредитель — Теплов А. В. Основной вид деятельности — паллиативная помощь. Но есть дополнительный: ритуальные услуги.

— Ритуальные услуги?

— Ага. Не напрямую. Через договор с похоронным бюро «Последний путь». То самое, которое хоронило Гольдберга.

Я вырулил на Волочаевскую. В зеркале заднего вида двухэтажный особняк из красного кирпича смотрел на меня пустыми окнами.

— И ещё, Вань. Я пробил сотрудников того бюро за 2019 год. Гримёра, который готовил тело Гольдберга, звали Лидия Романовна Шепель.

Я ударил по тормозам.

— Родственница?

— Сестра. Та самая, что подавала заявление об исчезновении Олега Шепеля в 2023-м.

Я развернул машину через сплошную.

— Едем в «Последний путь».

Глава 4

Похоронное бюро «Последний путь» располагалось на первом этаже пятиэтажки в районе Старого Кировска. Вывеска скромная — белые буквы на чёрном фоне. Жалюзи на окнах припущены. У входа — стойка с пластиковыми венками. Я припарковался прямо на тротуаре и толкнул дверь.

Внутри пахло лавандой и дешёвым освежителем. Тесный холл. Диван, обитый дерматином. Стеклянная витрина с образцами гробов в миниатюре. На стене — лицензия, рамка с благодарственным письмом от районной администрации, икона.

Навстречу поднялся мужчина лет пятидесяти. Лысоватый, сутулый, в сером костюме с чёрным галстуком. На бейджике — «Сорокин В. П., директор».

— Добрый день. Вы по предварительной договорённости?

Я показал удостоверение.

— Майор Метростроев. Уголовный розыск. Вопросы по старому делу.

Сорокин моргнул. Потом кивнул на стул. Я сел. Серёжа встал у двери — не демонстративно, просто так вышло. Директор оценил расстановку и заметно напрягся.

— Какое дело?

— 2019 год. Похороны Гольдберга Марка Ефимовича.

— Помню. Дорогой был заказ. Гроб красного дерева, фурнитура латунная.

— Гримёра помните?

— Женщина. Фамилию сейчас не скажу.

— Шепель. Лидия Романовна.

Сорокин замер на секунду. Потом кивнул.

— Да. Лида. Работала у нас года четыре. Хороший мастер. Руки золотые.

— Когда она уволилась?

— В июне 2023-го.

— Почему?

Сорокин отвёл взгляд. Прошёлся по тесному холлу, поправил венок на стойке. Жест нервный, но сдержанный.

— Сказала, переезжает. Семейные обстоятельства.

— Она была сестрой Олега Шепеля?

— Да. Брат у неё был. Я его не знал. Она редко о нём говорила.

— Она что-нибудь рассказывала о похоронах Гольдберга?

Сорокин нахмурился.

— А что рассказывать? Обычные похороны. Еврейский обряд. Тело готовили здесь, потом везли на Западное кладбище. Лида делала грим. Я ей тогда ещё сказал: работай аккуратнее, покойник известный, родственники требовательные.

— Она справилась?

— Нареканий не было.

— Брошь на лацкане — вы видели?

— Брошь? — Он наморщил лоб. — Не помню. Какие-то украшения были, но чтобы запоминать... Майор, у нас по двадцать заказов в месяц.

Я достал фотографию.

— Эта.

Он взял снимок. Всмотрелся. Покачал головой.

— Не помню. Может, и была. Но я не ювелир.

— Лидия Шепель. Где она сейчас?

— Не знаю. Уволилась — и всё. Телефон отключён.

— Адрес у вас остался?

Сорокин замялся. Потом подошёл к картотеке в углу холла — старой, деревянной, с латунными ручками. Выдвинул ящик. Долго перебирал папки. Наконец достал личное дело.

— Вот. Последний адрес — частный сектор, улица 3-я Амурская, дом 14.

Я записал. Поднялся.

— Если вспомните что-то ещё — звоните.

Сорокин кивнул. На лбу у него выступила испарина. Серёжа открыл дверь и вышел первым.

В машине я закурил. Редко это делаю, но сейчас захотелось. Серёжа молча ждал, пока я выброшу окурочек в окно.

— Что думаешь? — спросил он.

— Думаю, что Лидия Шепель положила брошь в гроб. А потом кто-то её оттуда забрал. И этот кто-то либо сама Лидия, либо Теплов.

— Либо оба.

— Либо оба, — согласился я.

Мой телефон мигнул. Синий значок. «Аура» выбросила новое сообщение — на этот раз голосовой файл. Я нажал воспроизведение.

Голос Теплова. Тихий, ровный, узнаваемый с первого слова.

— Да, они были здесь. Только что. Метростроев и оперативник из киберотдела. Задавали вопросы. Нет. Брошь предъявлял. Нет, я сказал — не знаю. Всё чисто. Да. Предупреди наших. Пока всё.

Конец записи.

Я опустил телефон. Серёжа выругался сквозь зубы.

— Наших? Каких ещё наших?

— Тех, кого он предупредил. Тех, кто сейчас, возможно, уже чистит адрес на 3-й Амурской.

Я завёл мотор. Машина рванула с места.

— Звони участковому по тому району. Пусть встретит. Быстро.

Серёжа уже набирал номер. Я выжал педаль в пол. Мимо понеслись панельки Старого Кировска, грязный снег, облезлые тополя. В ушах ещё звучал голос Теплова — спокойный, тёплый, уверенный.

«Пока всё».

Что «пока»? Что он имел в виду? Что прячет?

Я гнал машину через Левый берег, и в голове крутилась только одна мысль.

Лидия Шепель знала про брошь. Знала про брата. Знала про Теплова. Исчезла за месяц до того, как исчез Олег. Слишком много совпадений. Слишком много людей, которые либо молчат, либо мертвы, либо рассыпаны пеплом по промзоне.

3-я Амурская встретила тишиной. Частный сектор — покосившиеся заборы, старые яблони, собачий лай где-то вдалеке. Дом номер 14 стоял в глубине участка. Окна заколочены. На двери — амбарный замок. Свежий. Я сорвал его ломиком из багажника.

Внутри было пусто. Ни мебели, ни вещей, ни следов. Только гулкое эхо от шагов по голым половицам.

И записка. Прибита гвоздём к дверному косяку изнутри. На клочке обёрточной бумаги, корявым почерком:

«Не ищите меня. Я уже мертва».

Я скомкал бумагу в кулаке. Серёжа стоял в дверях.

— Опоздали.

— Нет, — сказал я. — Она знала, что мы придём. И знала, что мы найдём записку.

— Тогда где она?

Я обвёл взглядом пустую комнату.

— Там, где Теплов не достанет. Или там, где он её уже достал.

Я развернулся и пошёл к машине. Участковый только подъезжал — молодой, запыхавшийся. Я кивнул ему и бросил на ходу:

— Дом опечатать. Никого не впускать. Это место преступления.

В машине я снова открыл «Ауру».

— Запрос. Все записи с камер в радиусе километра от хосписа «Тихая пристань» за последние сутки. Все лица. Все номера машин.

«Аура» ответила коротко:

— Принято. Ориентировочное время обработки — пятнадцать минут.

Серёжа сел рядом и захлопнул дверь.

— Думаешь, он её прячет?

— Я думаю, он знает, где она. И знает, где брошь. И знает, кто сжёт её брата.

— А мы?

— А мы — пока нет.

Я завёл двигатель. Солнце клонилось к закату. Над частным сектором висело серое небо. Где-то там, в особняке на Волочаевской, играл Шопен, и Аркадий Вениаминович Теплов поправлял очки и улыбался пациентам.

Тёплый. Обходительный. Спокойный.

Я вырулил на трассу и поехал в отдел. Нужно было думать. И готовить ордер на обыск.

Глава 5

«Аура» закончила обработку камер раньше, чем мы доехали до отдела.

На экране ноутбука выстроилась цепочка кадров. Чёрный седан «Тойота Камри», тонированный в круг. Выезд с Волочаевской в 01:47. Движение через Левый берег. Поворот на промзону в 02:12. Те же фары, тот же номер. Возвращение через сорок три минуты. Водитель за рулём — мужчина, высокий, в тёмном. Лицо скрыто, но осанка и разворот плеч узнаваемы. Я видел эту фигуру сегодня утром. Аркадий Вениаминович Теплов.

— За двое суток до находки, — сказал Серёжа, разворачивая карту. — Маршрут совпадает с дорогой к пекарне до метра.

Я молча смотрел на стоп-кадр. Теплов за рулём. Ночь. Промзона. Сорок три минуты — достаточно, чтобы выгрузить тело или проверить печь. Или достать брошь. Или сделать что-то ещё, чего я пока не понимал.

— Распечатай, — сказал я. — Все кадры. Хронологию. Привязку к карте.

Серёжа кивнул и уткнулся в ноутбук.

Я вышел в коридор. У окна курил Корнеев — подполковник редко выходил из кабинета, но сегодня, видимо, тоже не спалось. Он стряхнул пепел в жестяную банку и посмотрел на меня с прищуром.

— Ну?

— Нужен обыск. «Тихая пристань». Теплов.

— Основания?

— Ночной выезд в промзону за двое суток до находки останков. Маршрут совпадает. Связь с гримёром, которая хоронила брошь. Запись разговора — предупреждал кого-то о нашем визите. И ещё — я думаю, Лидия Шепель либо в хосписе, либо её там держали.

Корнеев докурил. Затушил бычок. Посмотрел в окно.

— Теплов — человек не последний. Попечительский совет, благотворительность, публикации в прессе. Если облажаемся — нам головы поотрывают.

— Я не облажаюсь.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Пиши рапорт. Я завизирую. Судью я знаю — вопрос на час.

Через час у меня на руках было постановление. Ещё через сорок минут мы стояли у ворот «Тихой пристани» — я, Серёжа и двое оперативников из городского управления.

Дверь открыла та же девушка-администратор. Увидела меня, увидела людей за спиной — и отступила на шаг. Я молча положил перед ней постановление. Она пробежала глазами. Побледнела.

— Аркадий Вениаминович у себя?

— Да. Второй этаж.

Я поднимался по лестнице медленно. Пахло всё тем же — деревом, цветами, слабым раствором хлорамина. Из палаты слева доносился тихий кашель. В коридоре второго этажа стояла медсестра с лотком лекарств. Увидела нас и прижалась к стене.

Теплов вышел из кабинета сам. Видимо, услышал шаги.

— Майор? Что-то ещё?

Я протянул ему постановление. Он взял. Прочитал. Вернул.

— Обыск. Понимаю. Проходите.

Ни тени страха. Ни тени раздражения. Только лёгкая усталость — так устаёт человек, который много работает и привык к несправедливости. Я почти поверил.

— Серёжа, начинайте с первого этажа. Подвал, подсобки, гараж. Я — кабинет и второй этаж.

Оперативники рассредоточились. Теплов остался стоять в дверях кабинета. Я прошёл внутрь и начал с письменного стола.

Ящики. Папки. Бухгалтерия. Отчёты. Всё ровно, аккуратно, по датам. Ничего лишнего. Ничего подозрительного. Сейф в углу — открыт. Внутри уставные документы, гербовая печать, ключи от подвальных помещений.

— Где у вас комната персонала?

— Первый этаж, левое крыло.

— Комната отдыха пациентов?

— Там же.

Я спустился вниз. Оперативники уже осматривали подсобки. Серёжа стоял у двери в подвал.

— Вань. Тут закрыто.

— Ключи?

— У Теплова. Он сказал — склад медикаментов, доступа нет, сейфовая зона.

Я развернулся к лестнице.

— Теплов! Ключи от подвала.

Он спустился. Спокойно достал связку. Протянул мне.

— Пожалуйста. Только прошу аккуратнее — там дорогостоящие препараты.

Я открыл дверь. Лестница вниз. Бетонные ступени. Запах сырости и ещё чего-то — сладковатого, химического. Формалин? Я включил фонарь на телефоне.

Подвал был небольшим. Стеллажи с коробками. Холодильная камера для лекарств. Старая больничная кушетка, накрытая простынёй.

И ещё одна дверь. В дальнем углу. Металлическая, с кодовым замком.

— Что здесь?

— Электрощитовая, — ответил Теплов из-за спины. — И старая морозильная камера. Мы ей не пользуемся.

— Код?

Он назвал четыре цифры. Я ввёл. Замок пискнул. Дверь открылась.

Комната была метра три на четыре. Бетонные стены. Лампа дневного света под потолком. У стены — металлический стеллаж. На нём — картонные коробки. Я подошёл ближе.

В первой коробке — женская одежда. Блузка, юбка, туфли на низком каблуке. Размер небольшой. Во второй — косметичка, расчёска, упаковка женских витаминов. В третьей — документы. Паспорт. Трудовая книжка. Я раскрыл паспорт.

Лидия Романовна Шепель.

Я обернулся. Теплов стоял в дверях. Смотрел на меня всё с тем же выражением лёгкой усталости.

— Где она?

— Я не знаю.

— Её вещи здесь. Паспорт. Одежда. Она не могла уйти далеко без документов.

— Эти вещи она оставила, когда увольнялась из бюро. Сказала — заедет позже. Я сохранил. Она так и не заехала.

Я шагнул к нему.

— Аркадий Вениаминович. Её брата сожгли в печи. Её саму не могут найти три года. Брошь, которую она положила в гроб Гольдберга, оказалась в пепле. Вы были на кладбище. Вы были в промзоне. Вы мне сейчас расскажете всё. Или я закрою ваш хоспис и увезу вас в наручниках.

Теплов снял очки. Протёр. Надел.

— Майор, я понимаю ваши подозрения. Но я не убивал Олега Шепеля. Я не убивал Лидию. Я не знаю, как брошь оказалась в пепле. Я был на кладбище — потому что Марк Ефимович просил меня проследить, чтобы всё прошло достойно. Я был в промзоне — потому что там находится наш благотворительный склад. Мы храним там стройматериалы для ремонта хосписа. Я предупредил «наших» — потому что любой визит полиции нервирует пациентов и персонал.

Всё гладко. Слишком гладко.

— Склад? В заброшенной промзоне?

— Там аренда стоит копейки.

— А маршрут к пекарне — случайность?

— Пекарни я не знаю. Я ездил на склад.

Я повернулся к Серёже.

— Проверь склад. Прямо сейчас.

Серёжа кивнул и вышел. Я остался в маленькой бетонной комнате с коробками Лидии Шепель и Тепловым в дверях.

— Ещё что-нибудь? — спросил он.

— Да. Последний вопрос. Зачем Гольдберг завещал брошь хоспису и одновременно распорядился похоронить её с собой?

Теплов замер.

Впервые за весь разговор он не нашёлся с ответом сразу. Прошла секунда. Две. Три.

— Я не знал о втором распоряжении, — сказал он наконец. — Брошь должна была уйти фонду.

— Но не ушла.

— Как видите.

Я смотрел на него. Он смотрел на меня. Между нами лежали вещи исчезнувшей женщины и ответ, которого я пока не знал.

— Я ещё вернусь, — сказал я. — Очень скоро.

— Я буду ждать.

Я вышел из подвала. В холле меня догнал Серёжа.

— Склад реален. Аренда оформлена на фонд. Документы чистые. Там действительно стройматериалы — доски, цемент, краска. Но, Вань... от склада до пекарни — двести метров.

Я кивнул. Этого было достаточно. Пока — только подозрение. Но скоро я превращу его в доказательство.

В машине я открыл ноутбук. «Аура» выбросила новую строку:

— Капитан. Сопоставление данных завершено. За последние семь лет через хоспис «Тихая пристань» прошли четверо пациентов, чьи останки позже находили в разных точках Омской области. Все — с термическими повреждениями. Все — неопознанные на момент обнаружения. При каждом найдено золотое украшение: кольцо, цепочка, запонка, брошь.

Я закрыл глаза. Четверо. Четыре тела. Четыре украшения. Одна печь. Один человек.

Глава 6

До утра я не спал.

В кабинете горела настольная лампа. На столе — четыре папки. Четыре неопознанных тела, найденных в разных точках области за последние семь лет. Серёжа уехал домой около трёх ночи. Я остался.

Первое тело. Октябрь 2019 года. Котлован на окраине Кормиловки. Фрагменты костей, термические повреждения. Золотое кольцо — мужское, 585-я проба, гравировка внутри: «В. С. от мамы». Личность не установлена на тот момент.

Второе. Май 2021-го. Лесополоса в районе Сыропятского. Останки в полиэтиленовом мешке. Золотая цепочка с крестиком. Женская. Не опознана.

Третье. Сентябрь 2022-го. Дачный массив в Черёмушках. Костные фрагменты в бочке из-под солярки. Запонка. Мужская, с монограммой «А. К.».

Четвёртое — Шепель. Пекарня. Брошь.

Я разложил фотографии вещдоков в ряд. Кольцо. Цепочка. Запонка. Брошь. Четыре золотых предмета. Четыре покойника. И одно связующее звено — хоспис «Тихая пристань».

— «Аура». Перекрёстный анализ. Пациенты хосписа, умершие или выписанные в неустановленном направлении за периоды, предшествующие обнаружению каждого тела.

Ответ пришёл через минуту.

— Совпадения по всем четырём случаям. Пациенты: Крайнов В. С., 1953–2019. Сомова Е. Л., 1961–2021. Кривицкий А. Н., 1957–2022. Шепель О. Р., 1968–2023. Все — пациенты хосписа «Тихая пристань» в последние месяцы жизни. Все — одинокие. Все — без близких родственников. Все оформили завещания в пользу фонда за две-три недели до исчезновения. Нотариус — Зуева Тамара Сергеевна.

Та самая Зуева, что оформляла завещание Гольдберга.

Я откинулся на спинку стула. Четыре человека. Четыре завещания. Один нотариус. И один директор хосписа, который получал имущество после смерти подопечных.

— Суммарная стоимость унаследованного фондом имущества, — напечатал я.

— Ориентировочно: 18 миллионов рублей. Квартиры, земельные участки, ювелирные изделия, банковские вклады.

Восемнадцать миллионов. За семь лет. И четыре трупа.

Я закрыл глаза. Перед внутренним взором встал Теплов — седой, сухощавый, с мягкой улыбкой. «Мы помогаем людям. Это открытая организация». Он говорил это, глядя мне в глаза, пока в подвале лежали вещи женщины, которую три года считали пропавшей без вести.

За окном начало сереть. Я налил себе чай — холодный, с утра забыл выпить. Сделал глоток. Поморщился. Потом набрал Серёжу.

— Поднимайся. Едем к Зуевой.

— К нотариусу?

— Да. Она оформляла все завещания. Все четыре. И завещание Гольдберга тоже. Если кто и знает, как связаны брошь и хоспис, — это она.

— Через час буду.

Я положил трубку и потёр переносицу. Чай остыл окончательно. Мысль о том, что Теплов убивал одиноких людей ради квартир, не укладывалась в голове. Слишком мелко. Слишком примитивно. Бывший хирург, уважаемый человек, директор хосписа — и вдруг серийный убийца из-за недвижимости? Нет. Что-то не сходилось.

Я снова открыл «Ауру».

— Теплов А. В. Финансовый профиль. Доходы. Расходы. Счета.

Строки побежали по экрану.

— Заработная плата в хосписе: 45 000 рублей в месяц. Счёт в Сбербанке: остаток — 312 000 рублей. Кредитных обязательств нет. Имущество: квартира в Омске, 62 кв. м. Автомобиль «Тойота Камри», 2018 года выпуска. Зарубежных счетов не обнаружено.

Я перечитал. Сорок пять тысяч в месяц. Остаток на счету — триста двенадцать. Никаких миллионов. Никакой роскоши. Восемнадцать миллионов, унаследованных фондом, не осели у Теплова лично.

Тогда куда они ушли?

Серёжа приехал без пятнадцати семь. С двумя стаканами кофе. Один протянул мне.

— Ты вообще спал?

— Нет. Поехали.

Дом нотариуса Зуевой находился на улице Масленникова — сталинка с высокими потолками и лепниной. Подъезд чистый, консьержка на месте. Я показал удостоверение.

— Тамара Сергеевна дома?

— Не выходила со вчерашнего вечера. А что случилось?

Я не ответил. Поднялся на третий этаж. Дверь квартиры номер двенадцать была приоткрыта. Изнутри тянуло холодом.

Я отвёл дверь носком ботинка.

Тамара Сергеевна Зуева сидела в кресле у окна. Голова запрокинута. Руки свешены. На журнальном столике перед ней — пустая упаковка снотворного, стакан воды и конверт. На конверте — моя фамилия.

Я надел перчатки. Подошёл ближе. Тело уже окоченело. Смерть наступила, по всей видимости, вчера вечером. Часов через пять после того, как Теплов позвонил своим и сказал: «Предупреди наших».

Я взял конверт. Вскрыл.

Внутри — ключ от банковской ячейки. С биркой: «Омск-Центральный, ячейка 147». И записка. Три слова, написанные тем же почерком, что и в завещаниях:

«Он не тот».

Я перевернул листок. С обратной стороны — ничего. Только три слова.

— Серёжа. Вызывай бригаду.

Он уже набирал номер. Я стоял над телом и смотрел на ключ в своей ладони.

«Он не тот».

Кто — «он»? Теплов? Но Зуева работала с ним семь лет. Она знала его лучше многих. Если она хотела предупредить меня — значит, боялась не просто разоблачения. Она боялась чего-то, что было больше самого Теплова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.